

Практически одновременно на азербайджанском и русском языках недавно вышел в свет роман народного писателя Эльчина «Голова», ставший заметным событием в культурной жизни страны и предметом многочисленных дискуссий. И это не случайно. Роман отличается высокой художественностью, в нем сочетаются различные литературные методы, и посвящен он историческим событиям, которые предшествовали российско-персидским войнам начала XIX века, приведшим к разделению Азербайджана на Северный и Южный. В предлагаемом вниманию читателей эссе доктора философских наук, профессора Низами Мамедова раскрывается глубинный контекст данного романа, показывается переплетение в нем философских, психологических, исторических вопросов.

НИЗАМИ МАМЕДОВ

В ПОИСКАХ СМЫСЛА ИСТОРИИ: О РОМАНЕ ЭЛЬЧИНА «ГОЛОВА»

*В этой жизни определено только то,
что нет ничего определенного.*

Плиний Старший

Куда несет нас рок событий?

Сергей Есенин

Роман «Голова» – определенная квинтэссенция творчества Эльчина, он отражает представления этого писателя о ходе исторического процесса, о взаимосвязи мировоззренческих, духовных, интеллектуальных факторов, определяющих жизнедеятельность людей. Ответы на вопросы сегодняшнего дня Эльчин всегда искал в истории, в культурных архетипах. Это приводило к поискам оригинальных способов создания художественных образов, описания окружающей среды, социальных явлений. Глубокое осознание неоднозначной основы человеческого бытия обусловило в данном случае синтетический путь отображения действительности, совмещающий методы реализма, модернизма, фантазмагии.

В романе освещаются драматические события в Закавказье в конце XVIII – начале XIX веков, в период активной экспансии России на Юг. Северные страны всегда проявляли интерес к южным территориям. И Россия не составляет исключение. На Юге благоприятный климат, избыток ресурсов, выходы к «заморским странам». На пути к Югу России следовало преодолеть не только Кавказ, но и Закавказье. Представления об этом противоречивом крае, которые были доминирующими в российской элите, в романе озвучены устами наместника царя князя Цицианова: «*Это край героизма и одновременно лицемерия, мужества и продажности, глубокого философского мышления и примитивного сознания, огромных культурных традиций и мракобесия. Здесь из-за понятий чести отец может прирезать кинжалом дочь, брат – сестру, сын – мать. Здесь пятнадцати-шестнадцатилетний юнец может убить человека из-за одного матерного слова. Здесь молодая и прекрасная девушка, спрятав в складках платья маленький кинжал, может отомстить за отца или брата. Здешные горы, леса, сады пленительней, чем в Швейцарии. Родниковые воды столь же чисты и прозрачны, как воздух гор, лесов и парков. С одной стороны – это сказочный мир, с другой – арена реальных и кровавых событий, далёкая от всякой романтики.*»

Сюжет романа разворачивается в историко-политическом обрамлении, которое во многом определяет внутренние коллизии произведения: изменения в жизни людей, ломка

судеб, изменения в понимании традиционных ценностей. Показывается безнадежная борьба азербайджанских ханств, грузинских царств за сохранение независимости. Все это высвечивается сквозь призму геополитики того времени, обусловленной противоположными интересами Франции, Великобритании, России и Османской империи в этом регионе. Автор проявляет исключительную эрудицию, касаясь истории Российской империи, Ирана, Грузии, ханств Азербайджана, особенностей их политики, взаимоотношений с внешним миром.

Для азербайджанского читателя роман «Голова» сопоставим по социально-исторической значимости с романом «Война и мир» Льва Толстого. Фаталистическое мировоззрение Толстого, как известно, определило всю композицию этого великого произведения. Достаточно вспомнить: Наполеон захватил полстраны, вошел без боя в Москву, пожар охватил город, а в романе устами автора внушается оптимизм, утверждается, что это на самом деле пиррова победа, поражение французов неизбежно. Действительно, русская армия побеждает и доходит до Парижа. Но если Толстой сводит причину войны 1812 года к амбициям Наполеона, его размовкам с Александром I и создает обобщенный образ неугомонного завоевателя, то персонажи романа «Голова» предстают как фигуры на шахматной доске истории. Здесь эпоха, ее духовная, интеллектуальная атмосфера (способ мышления) определяют ход событий. И драматизм повествования в романе Эльчина определяется не столько взаимоотношениями отдельных личностей, сколько отражением характера самой эпохи. Герои Толстого представляют собой определенные типы личностей с индивидуальными характерами, они занимают соответствующее место в обществе. Герои Эльчина раскрываются исходя из индивидуального ощущения каждым из них драматизма социальной действительности, осознания неизбежности цивилизационных перемен.

«Голова» – историко-философский роман, оказавшийся чрезвычайно актуальным и востребованным именно сейчас. Его обсуждают литераторы, историки, политики, философы. В чем причина такого многогранного интереса?

Известно образное выражение, приписываемое Платону – «народ, забывший своё прошлое, не имеет будущего». Путь в будущее – это развитие в самых различных сферах на основе преемственности. Будущее поэтому не может быть принципиально новым, оно не может возникнуть из небытия, тени прошлого всегда видны в его очертаниях. История общества едина: во-первых, ее творят люди, природа которых остается практически неизменной в течение тысячелетий, и, во-вторых, несмотря на социально-политические изменения, в культуре сохраняются архаичные ценностные установки. Все это ведет к аналогичности оснований принимаемых решений в различные времена. И события, описанные в данном романе, не канули в прошлое, их последствия проявляются и в наши времена. «Голова» содействует пониманию истоков социально-политических метаморфоз сегодняшнего дня, их мировоззренческих, геополитических оснований.

(В этой связи небезынтересно отметить значение религиозных архетипических установок в истории России. Так, профессор Александр Пыжиков считает, что в качестве стержня русской истории следует рассматривать старообрядчество, которое явилось и родословной советской эпохи. «Большевистская партия распахивала объятия рабочему, сформировавшемуся в конкретной религиозной среде...представители народа несли в себе черты религиозно-психологических архетипов, которые закладывались на этапе личностного формирования». – *Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2016, с.6.* На это обстоятельство обратил внимание в начале XX века и Карл Каутский, известный лидер международного социал-демократического движения. «Рабочий в России с восторгом воспринял революционное мышление, т.к., оно ярче и отчетливее выражало то, что он сам смутно чувствовал и предугадывал и пребывал в ожидании грядущей справедливой жизни». – *Каутский К. Американский и русский рабочий. Киев, 1906, с.42).*

Главный замысел Эльчина, как мне представляется, – не только художественно воспроизвести многослойную картину того времени, но и попытаться выявить силы, неявно определявшие ход исторических событий. Анализ истории позволяет убедиться, что даже

всесторонне аргументированные в свое время действия людей впоследствии оказываются наивными и нередко роковыми. Перефразируя слова Бориса Пастернака, можно сказать, что поражения от победы человеку не дано отличить. Предпосылки этого кроются в различии горизонтов человеческого видения действительности, на основе которого принимаются решения, и масштабов реальности с многочисленными, скрытыми связями и отношениями, становящимися явными лишь спустя десятилетия и столетия. Полной ясности при принятии судьбоносных решений практически не было никогда, человеку всегда приходилось действовать в условиях единства определенности и неопределенности. Соответственно, полагаться следует не столько на ситуативные, поверхностные знания, сколько на мудрость, принимающую во внимание множество противоположных факторов, учитывающую опыт прошлого и возможные перспективы будущего. Неслучайно древние греки считали, что во главе государства должны быть мудрецы, ибо как «сова видит ночью, когда никто не видит, так и мудрецы видят то, что не видно другим». Разумеется, человеческая мудрость не гарантирует абсолютно верного решения, но она позволяет сделать более или менее приемлемый выбор из альтернативных вариантов.

Можно согласиться с тем, что масштабы истории, ее динамика однозначно не укладываются в индивидуальном сознании, и методы реализма в данном случае оказываются бессильными. В таком случае есть ли смысл продолжать описывать житейский мир в классических канонах и безуспешно искать гармонию в нем? Эльчин не идет по этому пути, он ищет новые способы художественного проникновения в подлинную суть бытия...

В романе посредником между повествованием и читателем выступает не автор, а «сознание» царского наместника, генерала Цицианова, которое отчуждается после его смерти и, приближаясь к «Богу», не только исповедуется, но и видит все происходящее на Земле в безграничном пространственно-временном измерении. Хронология событий при этом излагается не последовательно, а складывается из отдельных воспоминаний. Этот мозаичный поток мыслей в конечном итоге воссоздает видимую и невидимую стороны эпохи.

Впечатляет беспрецедентное описание отчужденного «сознания Цицианова».

«Все ЕГО чувства находились внутри некой невесомости, – пустоты, нет, эти чувства не были внутри невесомости, невесомость была в этих самых чувствах, ибо эти чувства не были внутри, не приходили извне, ибо извне тоже не было, как не было ничего физически осязаемого, эти чувства просто разлились вокруг.»

Впрочем, здесь (где?) не было и окружности, окружностью было всё, во все стороны была лишь одна прозрачность, и эти чувства внутри этой прозрачности были повсюду, поэтому в том видимом измерении ОН видел вокруг всё...»

Дойдя до абсолютной истины, «сознание Цицианова» разочаровывается в хаотической, непонятной Высшему уму земной жизни, оно улетучивается, признав невозможность изменения нравов общества, его иллюзорных целей, свое бессилие перед агрессивными инстинктами людей, тянущими их в бездну.

Обращение к фантазии – необходимый в данном случае сюжетный ход, который объясняется желанием выявить суть происходящих событий, ответить не только на вопрос «Как это происходило?», но и на вопрос «Зачем это происходило?»

В книге границы реального и вымышленного не размыты, четкие натуралистические изложения переходят в мистические. События, быт, военные действия прописаны реалистично. Читателя уводят в мистический мир размышления о прошлом, возможном будущем. Время здесь – некая целостность, проявляющаяся в трех гранях: как мерило вечности, как историческое время и как отведенный обыкновенному смертному жизненный период.

В целом роман воссоздает многоликую социально-психологическую картину кульминационной эпохи в истории Азербайджана. Текст изобилует ассоциациями, эмоциональными воспоминаниями, что содействует острому переживанию событий, происходивших более двух столетий назад. Восприятие драматизма эпохи усиливает использование автором реминисценции, в частности, линейного повторения в романе стихов Моллы Панаха Вагифа:

*Я правду искал, но правды снова и снова нет:
Все подло, лживо и криво – на свете прямого нет.
Друзья говорят – в их речи правдивого слова нет,
Ни верного, ни родного, ни дорогого нет.
Брось на людей надежду – решенья иного нет.*

С высоким мастерством раскрыты в романе думы, страсти, нравы простых и знатных людей, исторических личностей. Созданная галерея живых образов остается в памяти: терпящий власть Гусейнкули-хан, человек с поэтической душой; его любимый племянник, мечтающий о воссоздании великого Турана, Махмуд-бек; переводчик, сторонник союза с Россией, будущий профессор Петербургского университета Шариф-бек; решительный, верный присяге князь Цицианов; интеллигентный генерал Лазарев; русский патриот, капитан Сухарев; красивая, коварная грузинская царица Мария.

Удачно дополняют художественную палитру романа образы Бабуа Арчила, дедушки Цицианова, духовно связывающего его с грузинскими архетипами; юной дочери Рыжего Чабана, ставшей жертвой похотливого, бессердечного хана – Аббаса Мирзы; крестьянина Джафара, вынужденного заниматься конокрадством, чтобы прокормить многодетную семью...

Автор не обошел вниманием и особенности женской психологии, создавая образ Натали де-Лафонжен. Она органично сочетает в себе привязанность, внимание к пожилому мужу, французскому дипломату, с любовью к Цицианову, от которого, по ее тайному письменному признанию, родила сына Мишеля. При отсутствии Цицианова она замещает его графом Тимофеем-Богоявленским. В итоге ее жизнь прошла в любовном четырехугольнике. Автор не осуждает Натали де-Лафонжен, это право он предоставляет читателю.

Эльчин не идеализирует и мужскую психологию. Так, Цицианов до конца своих дней считает графа Тимофеева-Богоявленского своим близким другом и обращается к нему не иначе, как «*мой любимый брат*». А граф всю жизнь демонстрирует двуличие, даже после ранения, будучи прикованным к постели, от злости и зависти не читает писем Цицианова.

Человеческую слабость в романе проявляет французский ботаник Андре де-Форш, которого за подозрение в шпионаже арестовывают, но благодаря ходатайству жены Фатали-шаха поэтессы Агабегим-ханым, освобождают из под ареста. В качестве благодарности он изъявляет желание опубликовать стихи Агабегим-ханым во Франции. Приехав в Париж, он присваивает ее стихи, издает их под своим именем.

Автору удалось в каждом образе отобразить типичные стороны духовной, интеллектуальной, политической атмосферы эпохи. Для русских офицеров – князя Цицианова, генерала Лазарева, капитана Сухарева, главное – высшие интересы России, которой они служат с пониманием, преданно и со знанием дела. Вот о чем мечтает, например, Цицианов: «*я хотел бы, глядя из того, иного, мира на родную Россию, видеть, что она расширилась территориально, стала обладать более высокой культурой и наукой, что она продвигается навстречу будущему ещё более стремительно и мощно. И тогда в том, ином мире... не будет человека счастливее меня*».

Исключение составляет образ психически неадекватного майора Лисаневича, назначенного за прошлые заслуги командиром Шушинского гарнизона. Как-то ему показалось, что все вокруг предатели. Он поднял своих солдат ночью и приказал расправиться с Ибрагим-Халил-ханом, его семьей и многочисленной прислугой. Солдаты, войдя в раж, расстреляли и пронзили штыками стариков и детей. Лисаневич не мог потом объяснить свои действия.

Эта трагедия имела далеко идущие последствия. Старшая дочь Ибрагим-Халил-хана, жившая в Иране, поэтесса Агабегим, просит Всевышнего о возмездии. Вот как в романе описывается эта сцена. «*Агабегим, стоя напротив ГОЛОВЫ, какое-то время молча глядела на неё, затем вдруг опустилась на колени и со страстью, вырывающейся из глубины души, подняв вверх руки, громким, мучительным от боли голосом, так, что натянулись жилы её нежной шеи, сказала, нацелив палец в сторону ГОЛОВЫ: О Всемогущий! Он – ни при чём!.. Он*

только исполнитель!.. Отомсти за шушинскую бойню его государю! Слышишь меня?! Всю свою жизнь, день и ночь я буду молить Тебя, чтобы на глазах друг друга российский император был расстрелян вместе со своими детьми и женой!.. – Агабегим повысила голос – в этом голосе было больше повеления, нежели просьбы, мольбы: – И Ты это сделаешь! Ты слышишь меня?! Ты это сделаешь!»

Агабегим дала волю гневу Божию. Из текста романа следует, что за безвинных жертв, спустя век, заступился Бог. Это выразилось в безжалостном расстреле в 1918г. большевиками царя Николая II и его семьи.

С точки зрения здравого смысла эти события никак не связаны. Между ними столетний временной интервал. Однако в глазах Бога, как писал Оскар Уайльд, «прошлое, настоящее и будущее – единое мгновение». И если обобщить вину майора Лисаневича, представить ее как следствие политики династии Романовых, ориентированной на завоевание Закавказья, то в мистическом утверждении появляется определенный резон.

В целом волевые образы русских офицеров предвосхищают неизбежность присоединения Закавказья к России, покорения проживающих здесь народов силой, ибо, как они считают, «с кавказцами следует говорить только и только языком силы... умеренный стиль управления они воспринимают за слабость».

Возможная просветительская роль России в этих краях в романе выражена с двух позиций: об этом рассуждает Шариф-бек и Цицианов. Шариф-бек считает, что надо найти общий язык с русскими. «Наше единение с русскими – сегодня это путь, ведущий в науку, просвещение... Таков ход истории. Одно время миром правили арабы, наука и культура были связаны с их именами. Затем пришли османы. Но сейчас мы должны видеть и знать, что мир уже принадлежит Европе, России. Санкт-Петербург может стать для нас окном в Европу... В России открываются университеты, гимназии, школы, идет подготовка переводчиков, преподающих на русский язык произведения европейских учёных, писателей... И наши дети, господа, получив образование в Петербурге, Москве, в Европе, вернутся назад и в свою очередь станут просвещать народ».

Эту мысль подтверждает и Цицианов, но с опаской, «конечно, пройдёт время, изменятся и здешние люди, всё более укрепляющиеся традиции русского просветительства скажутся и на них, и тогда они убедятся, что Россия состоит не только из генералов и солдат. Посредством России они откроют для себя Европу, воспримут европейские духовные ценности, приобщатся к культуре, науке. Но, думая обо всем этом, не убежден – хорошо это или плохо? А что произойдет позже? Сегодня Азербайджан разбит на мелкие ханства, по инерции раздроблена Грузия, мы объединяем их в составе России, а кто может поручиться, что завтра они, встав на ноги, не заявят: отчего бы и нам не быть самостоятельными государствами?»

Идеи единства тюркских народов, мысли об их объединении, несмотря на их рассредоточенность, культурные различия, переданы посредством образа Махмуд-бека, который, организовав убийство генерала Цицианова, оказывается на каторге, сходит с ума, выдает себя за Атиллу и трагически погибает.

«Заснеженные сибирские поля окутала вьюга... Ветер поднимал с земли снежную россыпь, бил в лицо вытянутых в вереницу, словно утиная стая, закованных в кандалы, одетых в тряпье узников, сопровождаемых конными конвоирами. Один из узников, чьи длинные космы слились с бородой, а брови и ресницы тоже были заляпаны снегом, на минуту придержав шаг, подняв голову, голосом, напоминающим волчий вой, крикнул: «Я – Атилла», и эхо его крика в том видимом измерении слилось с завыванием вьюги. И в тот же миг подскакавший конвоир огрел его кнутом по спине: «Пошёл!.. Пошёл!.. Едущий впереди, явно начальник конвоя, обернувшись к конвоиру, что был ближе других к Махмуд-беку, крикнул: «Заткни глотку этому безумцу!.. Слышишь?! Заткни ему рот!..» На сей раз конвоир огрел Махмуд-бека по спине уже дважды: «Хватит!.. Сказано тебе – не вой!» – и уже в третий раз сзади ударил Махмуд бека по темени...»

Создается впечатление, что трагический конец Махмуд-бека был также предопределен Всевышним, ибо сказано: «не казните невинно мусульман или иноверцев».

Стремление найти и описать в хаосе социальной жизни, в человеческой истории единую канву, определенную логику пытались многие выдающиеся писатели – Александр Дюма, Оноре де Бальзак, Лев Толстой... Они жили во времена усиления рационального мышления, когда классические методы науки стали явно или неявно проникать в стиль мышления эпохи, в способы философского и художественного осмысления действительности. Напомним, что с середины XIX века в философии начал доминировать позитивизм, появляется особая наука об обществе – социология. Марксизм завоевывает массы из-за однозначного прогноза о неизбежной, прогрессивной линии развития общества, ведущей к всеобщему миру благополучия и справедливости...

Наука XX века «спустила людей с небес на землю». Открытия микро- и мегамира с непредставимыми пространственно-временными измерениями, непредсказуемыми хаотическими событиями вновь вернули человека на грань неизведанного, неопределенного. Известные знания оказались ничтожными перед бесконечностью бытия.

Более того, социальная практика с ее «движением» к коммунистическому раю оказалась не только иллюзорной, но и во многом даже драматичной. В этих условиях человек, с одной стороны, стал осознать, что ему придется в себе самом найти смысл своего существования, понять тайну своего существа, с другой – он вновь стал искать Бога, в котором надеялся найти опору и поддержку.

Итак, подтвердилась мысль, о которой догадывались великие мыслители прошлого – человечество живет в вероятностном мире. Люди смирились со своей участью жить в неведении, и они даже стали оправдывать неопределенность. *«Относительная неопределенность, – подчеркивает Эрих Фромм, – вещь вполне нормальная, ибо она вызывает к жизни активацию всех способностей. Определенность же уныла, ибо она мертва».*

Несомненно, на творчество Эльчина оказали влияние новые головокружительные данные космологии, свидетельствующие о случайности появления жизни и человека в мироздании, современные представления о природе человека, об истоках агрессивных качеств людей, о принципиальной непредсказуемости будущей судьбы человечества. Соответственно, в романе внимание акцентировано на ограниченности человеческого восприятия действительности, непредвиденных последствиях деятельности, на том, что амбициозность исторических личностей не позволяет им осознать, что они действуют на основе ограниченного круга знаний, односторонних ценностных установок, что очень многое в каждую эпоху остается «вещью в себе».

На фоне всего этого неизбежно возникает идея считать гуманистические устремления наивными грезами, а целенаправленную ориентацию исторического процесса на справедливое переустройство мира – безнадёжной затеей...

Смысл истории мы не поймем, не выяснив природу человека. Но *«человек есть тайна»*, писал Федор Достоевский. Роман «Голова» обостряет внимание к тайне человека, смыслу истории. После прочтения романа не покидает мысль: а далеко ли мы ушли от тех времен к цивилизованному миру, может ли движение в подлинно человеческий мир стать необратимым, как нам предотвратить рецидивы, всплески варварства – этой «наследственной болезни» человечества... И все же возникает соблазн искать пути созидания общества, в котором царит гармония человеческих отношений, где «инстинкт разума» довлеет над «инстинктом агрессивности». В мотивации этих высоких целей, на мой взгляд, ценность данного романа.